

Ярченко Д.Р.
Научный руководитель Перцев А.В.
д-р филос. наук, проф.

Теоретическое конструирование как игра в познание абсолюта

При самом ближайшем рассмотрении история мировой культуры может быть представлена как некоторая совокупность сказываний относительно того, что интуитивным образом дано нам с раннего детства, но представляется каждым человеком уникально. Данное нечто (как объект сверхчувственных созерцаний) суть абсолют, который в рамках отдельных философских и научных систем именуется Богом, Абсолютным Духом, Единым Благом, Дао, Центральным Солнцем...

Что же служит средством выражения наших интуиций? Как отмечал Иммануил Кант, именно абсолютные идеи позволяют познающему субъекту выйти из сферы причинно-следственных связей мира «явлений» в область свободы, «безусловного», «самопроизвольного» [1, С. 417]. К тому же, Трансценденция – это постоянно ускользающее от любых определений бытие, задающее возможность универсальной, тотальной связи всего сущего в целом, что выступает онтологическим основанием перспективы продуцирования разнообразных теоретико-познавательных конструкторов. Следовательно, любая гносеологическая деятельность по развертыванию концептов в системы конструкторов является своеобразной «теологической» игрой в попытки выразить трудновыразимое, демонстрирующей дискурсивную относительность понятия Абсолютной истины.

Попытаемся разобраться в том, что представляет собой такая игра. Ее очевидной и смыслоопределяющей целевой установкой может быть названо совпадение «субъекта» и «объекта», познающего и познаваемого, обеспечивающее схватывание истины бытия как их синкретичного единства. После выхода в свет «Науки логики» Георга Вильгельма Фридриха Гегеля в

профессиональной философской среде практически ни у кого не осталось сомнений по поводу того, что теоретико-конструктивная деятельность, фундаментируемая интенцией к истине, при последовательном своем проведении отсылает нас к идее абсолютного знания. Причем, истина в данном смысловом контексте не обрисовывается как чисто человеческая характеристика. Она органически соответствует адекватности принципов мышления законам космоса, воплощая собой функцию их статического и динамического способов взаимосвязи. Таким образом, цель познания истины по необходимости предполагает в качестве образцовой модели структурирования теории диалектику, наиболее полно репрезентирующую взаимосвязь и область совпадения субъекта и объекта исследования, абсолютного и относительного. И неслучайно Карл Ясперс в своем сочинении «Философская вера» пишет: «...посредством проникновения в напряжение, в диалектику стремящихся к решению противоречий можно позитивно схватить то, что в словах высказывается лишь абстрактно – истину...» [4, С. 471].

Однако на данном этапе развития наших рассуждений возникает естественный вопрос: как вообще возможна претензия на некую полноту видения предмета познания в условиях ограниченности языковых средств для его выражения? Ответ поразительно прост. Язык, по своей природе, пластичен, гибок и символичен в том отношении, что всегда отражает собственное инобытие. За ним стоит некоторая онтология, обладающая качественно другим бытийным статусом. Ее именуют означаемым как иным означающего. Причем, по гегелевскому закону аттракции, последнее стремится в максимальной мере соответствовать первому. Однако из-за сущностного различия между знаком и обозначаемым им предметом данная цель не достигается ни одной языковой системой, кроме так называемого «Языка Бога», поиском которого занимались еще средневековые схоласты. Значит, имея дело со знаковыми структурами, мы постоянно сталкиваемся с некоторой недоговоренностью, служащей потенциальным пространством порождения новых смыслов. Здесь наряду с кажущейся тотальностью «высказанности» по заданной теме обнаруживает

себя существенная неполнота используемого языка (на что неоднократно указывал Мишель Фуко). Следовательно, каждая концепция ученого или философа представляет из себя открытую возможность, провоцирующую потребность в диалоге с живой мыслью Другого. Так мы пришли к герменевтическому идеалу процесса концептуализации. Исследование конкретной проблематики никогда не должно полагать себя исчерпанным, завершенным окончательно. Оно есть непрерывное движение в сфере духа, осознаваемого как творческое единение различного в субстанциальной целостности. Подобная смысло-содержательная открытость в рамках того или иного дискурса выражается в феномене полилогизмов. Как справедливо пишет в «Философии и зеркале природы» Ричард Рорти, в двадцатом веке стало совершенно понятно, что современная наука только и может существовать в виде непрерывного полилога познающих субъектов относительно рассматриваемого предмета. Иллюзии классического рационализма развеялись, и сама истина потеряла однозначность. Наука сегодня уже и не ставит перед собой задачу единовременного схватывания истины во всей ее целокупности, чем занимались Рене Декарт, Бенедикт Спиноза, Готтлиб Лейбниц. Но в то же время и понятие Абсолютной (полной и окончательной) истины не обесценивается: исследовательская работа есть бесконечный процесс движения к ней как к высшему смыслу самой познавательной способности. Таким образом, современная теоретико-конструктивная деятельность, намечая демаркационную линию между наукой и другими формами познания (религиозным опытом Откровения, интуицией в сфере искусства...), совпадает с ними в целевой установке.

То есть рациональное мышление должно оставаться в пределах не хаотичного, но тщательно организованного беспокойного диалектического движения. В чем и состоит его предназначение. Вероятно, именно это имел в виду Майстер Экхарт на страницах «Духовных проповедей и рассуждений», когда говорил: «...никогда в этой жизни разум не находит покоя... Только в основе заключена истина, для разума же она закрыта и сокровенна. И не

находит он, на что ему опереться как на непреложное, на чем мог бы успокоиться... Но ждет и готовится к чему-то, что должно еще быть познано, но что еще сокрыто» [3, С. 84]. Теоретическое конструирование, очевидно, опирается на настойчивое требование самопрояснения в другом конструкте (возникающем как ответ на первый), полноценно реализуемое лишь в русле коммуникации в качестве универсального познавательного отношения. А это значит, что никогда нельзя догматично утверждать ту или иную точку зрения на предмет, оставаясь слепым и глухим по отношению к любой критике. Концепциями нужно «играть» (к чему призывал Карл Раймунд Поппер). «Игра» эта возникает благодаря интуиции, ведущей к знанию Абсолютной истины, обладающему высшей достоверностью, однако, лишь в рамках этого трансцендирующего скачка, просветления. В сфере обыденного существования непосредственность данной очевидности исчезает, освобождается духовное пространство для сомнения, но анамнезис как припоминание некогда увиденной истины вновь и вновь возвращает субъекта к ее исследовательскому поиску. Таким образом движение в сторону истинного знания получает толчок к своему развитию посредством взаимодействия интуиции и сомнения. И трудно не согласиться с Фридрихом Ницше в том, что настоящий философ должен оставаться сомневающимся человеком «опасного «может быть» [2, С. 10].

Итак, мне представляется, что философия как способ выражения абсолютного опыта схватывания истины в форме системы конструктов может обрести свободу самоактуализации лишь на пути открытой дискурсивной коммуникации.

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума. М., 2006.
2. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. СПб., 2008.
3. Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения. М., 1991.
4. Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.